

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ НАУКА

НАУЧНАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

**Сборник научных трудов
по материалам I Международной
научно-практической конференции**

**РУССКИЙ ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА В
КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО
ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ**

25 февраля 2016 г.

Нижний Новгород

www.scipro.ru

УДК 811.161.1/ 882
ББК 81.2/ 83.3

Р 89

Редакторы:
Н.А. Краснова, Т.Н. Плесканюк

Русский язык и литература в контексте современного гуманитарного знания: сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции 25 февраля 2016 г. Нижний Новгород: НОО «Профессиональная наука», 2016. 60 с.

ISBN: ISBN: 978- 5-00-005575-6

В сборнике научных трудов рассматриваются проблемные вопросы по филологическому направлению «русский язык и литература» научных сотрудников России и зарубежных стран по материалам научно-практической конференции «Русский язык и литература в контексте современного гуманитарного знания» (25 февраля 2016 г.)

Сборник предназначен для научных и педагогических работников, преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов с целью использования в научной работе и учебной деятельности.

Все статьи, включенные в сборник, прошли научное рецензирование и опубликованы в том виде, в котором они были представлены авторами. За содержание статей ответственность несут авторы.

Информация об опубликованных статьях предоставлена в систему Российского индекса научного цитирования – **РИНЦ** по договору № 2819-10/2015К от 14.10.2015 г.

Электронная версия сборника находится в свободном доступе на сайте <http://www.scipro.ru>.

УДК 811.161.1/ 882
ББК 74 ББК 81.2/ 83.3

ISBN: 978- 5-00-005575-6

Редакторы Н.А. Краснова,
Т.Н. Плесканюк, 2016
Коллектив авторов, 2016
Индивидуальный предприниматель
Краснова Н.А., 2016

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ Проблемы изучения и преподавания русского языка и литературы в высшей и средней школе

Фирсова Анна Михайловна

«ДА ЗАЧЕМ ОНА НАМ НУЖНА, ЭТА ЛИТЕРАТУРА?!»: РИТОРИЧЕСКИЕ
РАЗМЫШЛЕНИЯ СЛОВЕСНИКА

ПО ИТОГАМ ЕГЭ-2015 4

СЕКЦИЯ Вопросы лексикологии и фразеологии русского языка

Твердохлеб Ольга Геннадьевна

ГИПОНИМИЧЕСКИЙ СПОСОБ ИСТОЛКОВАНИЯ В ПАРАДОКСАЛЬНЫХ
ОПРЕДЕЛЕНИЯХ.....

12

СЕКЦИЯ Взаимодействие русского языка с другими языками народов РФ

Яшина Ольга Дмитриевна

КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД В ПРОЦЕССЕ ПРЕПОДАВАНИЯ МЕДИКО-
БИОЛОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН РУССКИЙ ЯЗЫК В МЕЖНАЦИОНАЛЬНОМ
ОБЩЕНИИ .....

20

СЕКЦИЯ Русский язык в национальном информационном пространстве: особенности функционирования

Маркова Татьяна Дамировна

СЕМАНТИКА СЛОВА В ДЕЛОВОМ ДОКУМЕНТЕ 27

Плесканюк Татьяна Николаевна

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СВЯЗНОСТЬ ТЕКСТА КАК ОБЪЕКТ
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ.....

33

СЕКЦИЯ Русская литература – традиции и современность

Курган Марина Геннадьевна

СЕНТИМЕНТАЛЬНОЕ В ПИСЬМАХ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО 1837 - 1846 ГГ. 42

Тарасова Светлана Александровна

ЭТНОГРАФИЗМ В ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОЦЕССЕ XIX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ ДИЛОГИИ
П.И. МЕЛЬНИКОВА-ПЕЧЕРСКОГО «В ЛЕСАХ» И «НА ГОРАХ») .....

53

СЕКЦИЯ Проблемы изучения и преподавания русского языка и литературы в высшей и средней школе

«ДА ЗАЧЕМ ОНА НАМ НУЖНА, ЭТА ЛИТЕРАТУРА?!»: РИТОРИЧЕСКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ СЛОВЕСНИКА ПО ИТОГАМ ЕГЭ-2015

Фирсова Анна Михайловна

Нижегородский институт развития образования

rary-anna@mail.ru

"BUT WHY DO WE NEED IT, THIS LITERATURE ?!": RHETORICAL REFLECTIONS ON LANGUAGE AND LITERATURE EXAM RESULTS 2015

Firsova Anna Mikhailovna

Nizhniy Novgorod Institute of Education Development

Аннотация

В данной статье, представляющей собой аналитические размышления по итогам ЕГЭ-2015 по русскому языку и литературе, рассматриваются вопросы вечных тем и ценностей выпускников средних общеобразовательных школ, облеченные в форму образцов «литературных» перлов словесности, встречающихся в школьных экзаменационных сочинениях.

Abstract

This article is an analytical reflection on the results of CSE-2015 in Russian language and literature, deals with the eternal themes and values of the graduates of secondary schools, which are arrayed in the form of samples of "literary" pearls of literature found in the school exam essays.

Ключевые слова: экзамен, ЕГЭ, русский язык, литература

Key words: uniform state exam, Russian language, literature

Отшумели ЕГЭ-2015 по литературе и русскому языку, прошли апелляции и конфликтные комиссии... У нас, словесников со неплохим профессиональным опытом, проверявших сочинения юных мыслителей, осталось весьма противоречивое впечатление от прочитанного и

услышанного.

С одной стороны – ребята научились выражать свои мысли намного точнее, интереснее и красочнее, чем в прошлые годы, а с другой – появилась достаточно интересная тенденция.

И не одна... и все они касаются не столько глубины аргументации своей позиции, сколько понимания прочитанного текста и осознания тех этических вопросов, что были затронуты, как в произведениях художественной литературы, так и в тех отрывках публицистических очерков, что предлагались для анализа – в заданиях ЕГЭ по литературе и по русскому языку, в части с развернутым ответом.

Среди коллекции «перлов» ЕГЭ-2015 встречаются поистине шедевры мысли, мимо которых трудно пройти равнодушно, не дав комментария с точки зрения морально-этической, а иногда - и философской.

«Солнце русской словесности», Александр Сергеевич Пушкин, увы, не избежал недопонимания детьми своих героев. Правда, иногда – почему-то вместе с другим Александром Сергеевичем – Грибоедовым.

"Вокруг Софьи («Горе от ума», А.С. Грибоедов) вертится много мужчин. И тут появляется Гринёв (А.С.Пушкин, «Капитанская дочка»), который ее сильно полюбил!"

Как он ухитрился переместиться из одного пространственно-временного континуума художественного текста в совершенно иной – останется, видимо, одной из загадок законов читательского восприятия, которые еще ждут своих исследователей.

Петруша Гринев (правда, иногда почему-то – Павлуша и даже – Александр), все же послужил положительным примером для наших строгих юных читателей, что не может не радовать, невзирая на свою путанную и сложную даже для литературного героя, биографию:

«Гринева воспитывали дома, учителя, которые его так ничему и не научили. А растил его - дедушка, который был строг с ним!»

«Гринев отдал Пугачеву "новушую шинель».

"Петр Гринёв, сын титулованного дворянина, несмотря на советы родителей, становится обычным гусаром, но благодаря своему рвению и усердию, совершает несколько подвигов".

Почему-то, при прочтении этих строк, вспоминается эпизод из чудесного, мудрого и доброго фильма «Тот самый Мюнхгаузен», снятого по сценарию Григория Горина: «Распорядок дня: «16.00 – Подвиг».

Иногда еще встречается упоминание о том, что Гринев – **«агент королевы»**, совершающий свои подвиги и «образовательные путешествия»[1], но этот образ, возник, скорее всего, под влиянием современной массовой литературы и СМИ.

Михаил Юрьевич Лермонтов, чей 200-летний юбилей мы отмечаем в этом году (году, посвященному Литературе, смею заметить!), видимо, на правах юбиляра, почти избежал критики своих персонажей, уличенных в текстах шедевров ЕГЭ, разве что – в пристрастиях к путешествиям, что, собственно, почти не противоречит художественному замыслу автора:

«Мицыри, будучи выращенным в неволе, потерял все навыки ориентирования на местности».

«Больше всего на свете Печорин любил скакать по горам».

«Зеркалу русской революции», Льву Николаевичу Толстому, тоже пришлось бы пережить некоторое недоумение, перечитывая комментарии к деяниям, именам и реалиям жизни своих персонажей:

"Наташа Ростова отдала все свои сбережения на подводные лодки".

«Пьер Безруков большую часть романа прошел пешком».

«Наташа отдала все свои подводки раненым бойцам».

Если же обратиться к опыту восприятия школьниками художественно-философской рефлексии одного из самых трагических авторов, поднимавших вопросы морали, нравственности, воспитания, отношения к себе, семье, к человеку и обществу - Федора Михайловича Достоевского, то можно сделать несколько литературоведческих открытий: ***«Раскольников убил бабушку топором по голове, потому, что у нее было много денег, а у остальных –***

мало». С логикой данного заявления, причем абсолютной, не спорить приходится.

Но почему же именно эта причина, сугубо материальная, стала основной в трагедии Раскольникова, которую увидел автор данных строк? Не стоит ли присмотреться к вопросу поглубже – на следующих примерах?

Итак, далее: *«Раскольников - наркоман в ломке, услышавший в баре Питера разговор двух студентов, которые считали, что бабушку надо прибить! Это его и «всподвигло».*

И еще: *"Давайте посмотрим, кто же такой Раскольников и почему он совершает преступление? Фёдор Раскольников - студент юридического факультета, которому нечем платить за обучение, поэтому он и убивает старушку». О*пять - пресловутая бедность героя...и даже в имени, данном ему автором, Родиону отказано.

"Герой произведения - Раскольников, жил в недостатке".

"Матушка Раскольникова волновалась за сына, посылала ему последние деньги, не смотря на то, какой бездельник ее Родя".

Итак, в глазах современных юных читателей, Родион Раскольников – типичный асоциальный персонаж, нищий студент, «бездельник» с дурными привычками, совершивший свое ужасное деяние исключительно из материальных побуждений, с корыстной целью изменить свое тяжелое существование...А как же – трагедия души и муки совести? Почему она прошла мимо сознания юных критиков? И только ли Раскольников обречен на такое непонимание со стороны последующих поколений читателей?

Нет, сия участь не миновала и его несчастную подругу – Сонечку Мармеладову (иногда, правда, почему-то - Машу Мармеладову).

"Соня Мармеладова работает продажной девушкой. Да, ужасная это работа!"

И еще: *«Соне Мармеладовой пришлось зарабатывать до ужаса неприличным способом. Она стояла вдоль обочины дороги и торговала собой и своим телом".* Бедная Сонечка.. приговор окончательный и

обжалованию не подлежит.

Какие же проблемы наши юные аналитики увидели в текстах, предложенных для анализа в части с развернутым ответом ЕГЭ-2015 по русскому языку?

Кроме анализа литературных произведений, встречаются размышления на различные актуальные для всех времен и народов темы, можно даже сказать – философские размышления о вечных ценностях жизни: будущая профессия, отношение к семейным ценностям, к любви, к природе, и - к жизни в целом.

Конечно, молодых людей, стоящих на пороге выбора жизненного пути, весьма занимают вопрос самоопределения в будущей профессии, но и здесь зачастую наблюдается, достаточно расплывчатое представление о том, чем предстоит заниматься в жизни, встречаются обороты и рассуждения, несколько даже удручающие по степени пессимизма:

«Известный российский публицист». Возникла новая профессия, видимо – чрезвычайно современная. [2]

"Алексей увидел свою возможную профессию в виде профессора биологии и испугался". Да отчего же? Что так испугало персонажа приведенного отрывка? И - вместе с ним – автора сего шедевра?

«Он ни за что не хотел становиться профессором наук». Увы, причина все та же – материальное вознаграждение за труды всей жизни, которое отсутствовало в предложенном для анализа отрывке текста. [3]

Хотя, справедливости ради, нужно отметить и обнадеживающую тенденцию, обратную описанной здесь:

«Проблему неистребимости тяги к науке пытается раскрыть автор в своем очерке».

И – даже встречается некоторая попытка анализа итога жизни и профессиональной деятельности:

«Представители непрестижных профессий заслуживают уважения. Они оставили свои инициалы на страницах истории».

Что до семейных отношений, здесь, невзирая на некоторую путаницу

в именах, перипетиях судеб и гендерного самоопределения, семья по-прежнему остается у молодежи одной из высших ценностей, что не может не радовать.

"Благодаря родителям, у него было все, даже жена и дети".

(В.Г.Короленко, «Слепой музыкант»)

"Из-за отсутствия заботы со стороны Тихона, его жена Екатерина скинулась с моста". (А.Н.Островский, «Гроза»)

"У госпожи Простаковой был сын Метрограм". (Д.И. Фонвизин, «Недоросль»)

"Но нельзя забывать о примерах материнства у мужчин!" (М.И. Шолохов, «Судьба человека»).

И, конечно же, тема прекрасной русской природы, столь многократно воспетая в отечественной литературе, не могла обойти наших читателей, не вызвать в их сердцах отклик:

«Я сам испытываю самые обаятельные чувства к природе».

Анализ предложенного отрывка, связанного, в понимании наших респондентов, со спасением несчастного, бесконечно (и зачастую - неверно) склоняемого зверька, породил множество аллюзий:

"Мама дала нам жизнь, а отец - кров. Так и наша героиня выхухоль".

"Писателя восхищает подвиг выхухуля-матери".

«Но у человека все не так просто, как у выхухоли». Глубокомысленное наблюдение, вполне способное претендовать на звание сентенции.

Жаль только, что глубина аналогии, приведенная в предложенном для размышлений отрывке очерка Солоухина, прошла мимо внимания читателей.

И – один из самых важных, вечных вопросов, что терзает человечество не одно тысячелетие – вопрос поиска смысла жизни, тоже нашел свое воплощение в ответах ЕГЭ-2015:

"Проблема запостыленности жизни.."

Если вдуматься, здесь речь идет об эмоциональном выгорании – откуда ее понимание у таких совсем молодых еще людей, только вступающих во

взрослую жизнь? Не есть ли это – следствие полной доступности информации любого качества, в любых количествах, столь свойственная современной нам реальности, определяющее размывание границ перехода во взрослую жизнь? [4] Откуда взялся этот общий пессимизм, характерный и для 17-ти-18-тилетних резонёров, эта пресыщенность и перегруженность?

И, чем дальше, тем больше мы видим достаточно удручающих размышлений:

"Сам автор не испытывал никакой радости, потому, что болел".

"Стала бессовестно вытворять опрометчивые поступки".

«Надежда теряет своих последователей».

"Человек - это не до конца изученная форма жизни, от него можно ожидать все, чего угодно".

Утешает одно – выводы все-таки делаются оптимистичные, есть некая надежда на то, что ничто человеческое – доброе и трогательное – не чуждо грядущему поколению:

"Когда о нас заботятся, мы не такие злые и одинокие".

Сажу на балконе в детском летнем научном лагере, (точные и естественные науки в приоритете), в качестве руководителя студии журналистики, слушаю радиогазету, эфир которой готовился у меня в студии. Рассматриваю написанный, напечатанный и развешанный по стенам материал...Летописи, статьи, заметки, интервью, мини-рецензии – все это за авторством детей от 12-ти до 16-ти лет. Молодцы, ребята, настоящие таланты!

В коридоре висит газета-молния «Уголок чтения», где я прикрепляла стихи, фантастические рассказы и занимательные факты из истории русского языка...

Вдоль стены ходит юное дарование лет 12-ти и увлеченно читает. Читает! Слава Богу...Не все еще потеряно...Ко мне подошла десятиклассница и робко попросила о консультации по сочинению. Пусть приходит. Поговорим...неприменно поговорим...

Подводя итоги размышлениям на тему – зачем она нужна, эта литература,

хочется верить, что она нужна не только для того, чтобы сдать экзамены и получить сертификат ЕГЭ с определенным количеством баллов.

Она нужна для того, чтобы дети задумались – о природе, о семье, о любви, о выборе профессии, об этнической идентификации сознания следующей ступени развития – студентов вуза[5], о смысле жизни, и, наконец - о своем месте во времени и пространстве.

Для того, чтобы мы не забыли, что «в начале было СЛОВО»...

Библиографический список

1. Фирсова, А.М. Образовательное путешествие как форма интенсификации восприятия и анализа явлений художественной культуры / А.М.Фирсова // Нижегородское образование . -2015. - №1. – С.57.
2. Фирсова, А.М. Культурно-семиотическая взаимосвязь мифологического сознания и языка как коммуникативных систем / А.М.Фирсова // Приволжский научный журнал.-2008.-№3.-С. 123.
3. Филиппов, Ю.В., Фирсова, А.М. Актуальные проблемы реализации этнической социализации в историко-педагогическом процессе / Ю.В. Филиппов, А.М. Фирсова// Приволжский научный журнал. – 2012. – №1. – С.215.
4. Фирсова, А.М. Границы в ритуале посвящения и в языке как структурные элементы формирования личности / А.М.Фирсова // Приволжский научный журнал.-2009.-№1.-С.212.
5. Филиппов, Ю.В., Фирсова, А.М. Этническое самосознание студентов гуманитарного вуза / Ю.В. Филиппов, А.М. Фирсова, С.А. Гаврилова // Мир психологии. – 2006. – №1. – С.172.

СЕКЦИЯ Вопросы лексикологии и фразеологии русского языка

УДК 81.1

ГИПОНИМИЧЕСКИЙ СПОСОБ ИСТОЛКОВАНИЯ В ПАРАДОКСАЛЬНЫХ ОПРЕДЕЛЕНИЯХ

Твердохлеб Ольга Геннадьевна

Оренбургский государственный педагогический университет
ogtwrd@gmail.com

HYPONYM OF INTERPRETATION IN IRONIC DEFINITION

Tverdokhlebo Olga Gennadjevna

Orenburg State Teacher Training University

Аннотация

В данной статье указывается, что парадоксальные определения могут быть построены традиционно выделяемыми лингвистикой способами и специфическими способами. Были описаны на большом иллюстративном материале особенности родо-видового истолкования в парадоксальных определениях. Показано, как создается парадоксальность в обеих частях родо-видового истолкования, когда слово истолковывается через указание на более широкий класс предметов и на отличительные признаки. Указано, что в качестве опорного слова парадоксального толкования может быть представлен: а) гипероним, ближайший или более отдаленный к определяемому слову (что свойственно традиционному словарному определению), либо б) согипоним с конструктивно обусловленным лексическим значением обобщенного гиперонимического уровня (что совершенно не свойственно традиционным словарным определениям). Показаны разнообразные лингвистические особенности второй части гиперонимического истолкования, описывающей отличительные свойства предметов, явлений, обозначенных опорным словом, среди которых отмечены: «ложноэтимологическое» истолкование внутренней формы определяемого слова; появление фонетической омонимии; столкновение реальной внутренней формы со специфической; соединение слов с прямым и с

переносным лексическим значением; истолкование определяемого слова через его антоним.

Ключевые слова: парадоксальное определение, способы истолкования, гипероним.

Abstract

This article shows that paradoxical definitions formed traditionally distinguished linguistics ways and specific ways. Were described on a large illustrative material especially the hyponym interpretation in ironic definitions. Demonstrates how to create a paradox in both parts of the hyponym of interpretation, when the word has been interpreted through the indication of a wider class of objects and distinctive features. It is indicated that as the reference of the word paradoxical interpretation can be represented: a) hyperonym, the nearest or more distant to the head word (which is characteristic of traditional dictionary definition), or b) sohyponym with the design-based lexical value of the common hyperonym level (which is absolutely not typical traditional dictionary definitions). A variety of linguistic features of the second part hyperonym interpretation, describing the distinctive properties of objects, events, denoted by the reference word, among them noted: "false etymological" the interpretation of the inner form of the word defined; the emergence of phonetic homonymy; pushing real internal shape specific; the connection of the words with direct and with indirect lexical meanings; the interpretation defined via its antonym.

Keywords: paradoxical definition, methods of interpretation, hyperonym.

Данная работа продолжает наш анализ парадоксальных определений [5-6], выбранных из «Словаря философских, метафорических, юмористических и прочих разных парадоксальных определений», составленный В.Г. Кротовым [2], в котором собрано свыше 4 тысяч афоризмов более тысячи авторов разных стран и народов: писателей, поэтов, политиков, ученых, юмористов — от древних мудрецов до детей наших дней, в данной статье мы остановимся на анализе некоторых лингвистических

способах создания указанных определений. В [6] мы показали, что парадоксальные определения могут быть построены как традиционно [1] выделяемыми способами истолкования определяемого слова, так и совершенно отличительными способами. Здесь мы подробно остановимся на особенностях родо-видового истолкования в парадоксальных определениях.

Парадоксальным определениям свойствен **гипонимический** (от греч. ὑπό ‘под, внизу’ + ὄνομα ‘имя’), или родо-видовой, способ истолкования, когда слово истолковывается через указание на более широкий класс предметов (гипероним) и на отличительные признаки. Рассмотрим отдельно, как создается парадоксальность в обеих частях истолкования.

I. В качестве **опорного слова** парадоксального толкования — так же, как и словарного, — может быть представлен **гипероним** (от греч. ὑπέρ ‘сверх-, над-’ и + ὄνομα ‘имя’):

1) гипероним, ближайший к определяемому слову, являющемуся его гипонимом, что свойственно и обычному словарному определению, напр.: **Муж** (гипоним) — *это хорошо отредактированный мужчина* (ближайш. гипероним) (К. Мелихан); **Барабан** (гипоним) — *музыкальный инструмент* (ближайш. гипероним), *работающий из-под палки* (Неизв.);

2) гипероним, более отдаленный к определяемому слову, что свойственно и обычному словарному определению, напр.: **Муж** — *это такое существо* (отдален. гипероним), *которое, вымыв пепельницу, смотрит на жену с таким видом, будто вычистил квартиру* (Л. Фортен). Языковой материал показывает, что по сравнению с предыдущей у этой группы определений возможности создания парадоксальности более высоки, причем настолько высоки, что парадоксальности можно добиться только за счет сведения истолкования к лаконичной родо-видовой характеристике очень высокого уровня абстракции, ср.: **Смысл** — *общее* (отдален. гипероним) *частностей* (А. Круглов);

3) согипоним (приставка со- + гипоним) определяемого слова *с конструктивно обусловленным лексическим значением* (далее — ЛЗ)

обобщенного уровня (и следовательно, уровня гиперонима), что совершенно не свойственно традиционным словарным определениям. Напр., у слова *букет* в обязательной связи с грамматической формой родительного падежа имени реализуется конструктивно обусловленное ЛЗ ‘совокупность’, являющееся родовым для определяемых слов *азбука* и *аккорд* в конструкциях: *Азбука — букет* (‘совокупность’; констр. обусл. ЛЗ) *букет* (А. Бельмасов) и *Аккорд — букет* (‘совокупность’; констр. обусл. ЛЗ) *букет* звуков (А. Бельмасов). В другом парадоксальном определении эксплицирована лексема *запчасти* с конструктивно обусловленным ЛЗ ‘продолжение, замена’ : *Дети — запчасти* (‘замена’; констр. обусл. ЛЗ) *запчасти* общества (Неизв.) (Ср. аналогичный пример с опорным словом – гиперонимом в русской поговорке: *Дети — продолжение родителей*). Реализация конструктивно обусловленного ЛЗ в указанном типе определений наиболее частотна:

- в конструкциях с формой родительного падежа имени: *История — это роман фактов* (имя сущ., Род. пад.) (К. Гельвеций); *История — это практически всего лишь журнал регистрации преступлений, глупостей и несчастий человечества* (Э. Гиббон); *Часы — градусник времени* (имя сущ., Род. пад.) (Д. Котляревский); *Вечер — старость дня* (имя сущ., Род. пад.) (А. Шопенгауэр); *Госпиталь — библиотека раненых* (имя сущ., Род. пад.) (А. Селезнев);

- в конструкциях с формой «*между + творительный*»: *Сумерки — трещина между мирами* (*между + имя сущ. в Твор. пад.*) (К. Кастанеда);

Так как роль опорного слова для толкования определяемого слова несколько снижена, а всё внимание акцентируется на перечислении лексем, представленных при опорном слове истолкования следует, видимо, рассматривать как **переходный от родо-видового к перечислительному** способ толкования в парадоксальном определении через определяемое слово-гипероним с конструктивно обусловленным ЛЗ в предложениях с формами:

- «*родительный + и + родительный*»: *Красота — это плод свободной души* (имя сущ., Род. пад.) *и крепкого здоровья* (имя сущ., Род. пад.)

(Л. Шефер); *Улица — стоянка магазинов* (имя сущ., Род. пад.) *и телефонов* (имя сущ., Род. пад.) (А. Бельмасов); *Пишущая машинка — дитя авторучки* (имя сущ., Род. пад.) *и барабана* (имя сущ., Род. пад.) (Д. Котляревский);

- «из + родительный + и + родительный»: *Страх — это ядовитый коктейль из инстинкта* (имя прил., Род. пад.) *и воображения* (имя прил., Род. пад.) (В. Кротов);

- «родительный + с + творительный»: *Публицистика — это флирт вечного* (субстантивированное имя прил., Род. пад.) *с сиюминутным* (субстантивированное имя прил., Твор. пад.) (В. Кротов); *Троллейбус — это помесь трамвая* (имя сущ., Род. пад.) *с автобусом* (имя сущ., Твор. пад.) (Неизв.);

- «между + творительный + и + творительный»: *Владенье — это дружба между человеком и вещами* (между + имя сущ. в Твор. пад. + и + имя сущ. в Твор. пад.) (Ж. П. Сартр); *Голос — это пограничная полоса между физическим и духовным* (между + имя сущ. в Твор. пад. + и + имя сущ. в Твор. пад.) (И. Перец).

II. Как показывает наша картотека, особенно разнообразны лингвистические особенности второй части гиперонимического истолкования, описывающей отличительные свойства предметов, явлений, обозначенных опорным словом.

1) Парадоксальные определения анализируемого типа могут иметь «ложноэтимологическое» истолкование внутренней формы определяемого слова путем ложного осмысления семантики реально существующих или окказионально выделяемых морфем в слове. В зависимости от части слова, подвергающейся ложной мотивации можно выделить:

- «ложнокорневые» истолкования, напр.: *ПРЕДанность — добродетель, присущая тем, кого вот-вот должны ПРЕДАть* (А. Бирс). Чаше наблюдаем в определениях сложных слов, ср.: *АВТОЛЮБитель — мужчина, женатый на МАШИНе* (Неизв.); *ОДНОЛЮБ — человек, который обманывает только ту женщину, которую ЛЮБИт.* (Д. Аминадо);

- «ложноаффиксальные» истолкования, связанные с переосмыслением значений аффиксальных морфем. Напр., в конструкции *МучЕНИК* — муж женщины с комплексом мучЕНИЦы (Г. Менкен) определяемому слову *мученик* при реальном отражении семантики корневой морфемы приписывается ложное значение суффиксу *-еник*, вместо реального значения ‘лицо, носитель процессуального признака’ [4, Т. 1, § 212], приписывается ложное — ‘муж жены’, при этом, вместо обычного для русского словообразования направления производности: ‘лицо мужского пола’ → ‘лицо женского пола’ (характерное, в частности, для образования существительных со значением ‘жена лица’ при помощи суффикса — *ш/а/*: *султанШа, капитанШа, профессорШа* [4, Т. 1, § 385, с. 202]), дается обратное: ‘лицо женского пола’ → ‘лицо мужского пола’.

2) В результате произвольного (окказионального) членения определяемого слова на «новые» значимые части в составе определяющей части в некоторых парадоксальных определениях даже возможно появление фонетической омонимии: *КУЛЬТУРА* — это в представлении некоторых *КУЛЬТ* «УРА» (Неизв.).

3) Парадоксальные определения анализируемого типа допускают сталкивание в одном истолковании реальной внутренней формы — путем поморфемной мотивировки корней сложного слова типа «*Жизнелюб* — любит жизнь» с дополнительной, специфической, ср.: *ЖИЗНЕЛЮБ* — индивид, который сам *ЛЮБИТ* пожить и окружающим дать жизни (Неизв.). Такое намеренное включение в обе части толкования слов *пожить* и *жизни*, родственных определяемому, формально как бы связывает обе мотивировки, создавая иллюзию правильности обеих. Приведем еще примеры: *САМООЧЕВИДный* — *ОЧЕВИДный* для тебя *САМОго* и ни для кого больше (А. Бирс); *ПоСРЕДничество* — *СРЕДство* соединить обе стороны... против себя (П. Декурсель); *УМОЗАКЛЮчение* — *ЗАКЛЮчение* *УМа* во фразу (В. Кротов).

4) Может быть соединение в парадоксальном истолковании опорного

слова-гиперонима с прямым ЛЗ и слова с переносным ЛЗ во второй части толкования, ср.: *Афоризм — это **мысль*** (гипероним, прямое ЛЗ) *в купальнике* (переносное ЛЗ) (В. Гаврилов); *Зебра — **лошадь*** (гипероним, прямое ЛЗ) *в тельняшке* (переносное ЛЗ) (Неизв.).

5) Может быть ввод слов в такое языковое окружение, при котором одна и та же лексема отражает, не пересекаясь, сразу два значения — 1) прямое, номинативное значение и 2) производное, переносное. Так, у слова *иссохшая* в парадоксальном определении: *Вобла — сушеная рыба, **иссохшая** по пиву* (Неизв.) эксплицируются, не пересекаясь, 1) прямое ЛЗ ‘стать совсем сухим’ и 2) переносное ЛЗ ‘исхудать, стать совсем истощенным’. Ср. также другой пример: *Бабушка — член семьи, не **вылезавший** из пеленок* (Неизв.).

6) Может быть повторение в составе истолкования двух одинаковых словоформ одного и того же полисемантического слова, но с разными ЛЗ: *Лас-Вегас — городок, где мужья **трясут** игральные карты, а жены **трясут** своих мужей* (Неизв.), где первое слово *трясти* представлено с ЛЗ ‘быстро двигать’, а второе слово *трясти* дано с ЛЗ ‘не скупиться на траты’.

7) В пределах парадоксального определения могут соединяться опорное слово истолкования и его антоним, находящийся в пояснительной части, ср.: *Жертва — **добро*** (антоним) *кому-то ценой **зла*** (антоним) *для себя* (А. Круглов). Два антонима, находящиеся только в описательной части пояснения, могут сталкиваются чаще, напр.: *Мода — один из способов доставлять радость **маленьким** людям за **большие** деньги* (Г. Ковальчук); *Диета — воспитание **сильной** воли **слабым** желудком* (М. и Н. Баньковские); *Кабинет — **мужская** обитель с **женской** охраной* (Неизв.); *Нумизмат — это коллекционер, тратящий **новые** деньги на приобретение **старых*** (Неизв.).

8) Наблюдается также параллельное сталкивание в описательной части двух антонимов и двух антонимов-энантиосемов. Так, в описательной части определения попарно могут сталкиваться: а) два разнокорневых антонима

1) *спереди* и 2) *сзади* по дифференциальному признаку «перед / зад», и б) здесь же употребляющееся дважды слово *хвост* дается сначала 1) в прямом ЛЗ ‘у животных: придаток на задней части тела’, а затем 2) в переносном, метафорическом ЛЗ (сходство по форме) ‘у слонов: хобот, нос, отросток в передней части тела’ в следующем парадоксальном определении, ср.: *Слон — животное квадратной формы с хвостом впереди* (антоним) *и хвостом сзади* (антоним) (Д. Остин).

Таким образом, различные языковые средства могут использоваться в разной степени в афоризмах-определениях, построенных собственными словарным определениям способами и созданных совершенно отличительными от словарных толкований способами. Средствами создания парадоксальности в родо-видовых толкованиях, видимо, могут быть не только описанные в данной работе языковые явления, но и другие элементы лексического, фонетического, морфологического и синтаксического уровней.

Библиографический список

1. Арбатский Д.И. Основные способы толкования значений слов // Русский язык в школе. – 1970. – № 3. С. 26-31.
2. Кротов В.Г. Словарь философических, метафорических, юмористических и прочих разных парадоксальных определений. – М. : Крон-Пресс, 1995. – 480 с.
3. Русская грамматика : в 2 т. / под ред. Н.Ю. Шведовой [и др.]. – М. : Наука, 1980. – Т. 1. – 784 с.
4. Твердохлеб О.Г. Лингвистика определений (о некоторых способах создания парадоксальности) // Язык. Система. Личность : Материалы международной научной конференции. – Екатеринбург : Екатеринбургский госпедуниверситет, 1998. – С. 158.
5. Твердохлеб О.Г. Мысли Востока в аспекте парадоксальности // Христианство и ислам на рубеже веков : Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Оренбург : Печатный Дом «Димур», 1998. – С. 111-112.

6. Твердохлеб О.Г. Парадоксальные определения: некоторые лингвистические способы создания // Филологический аспект. – 2016. – №. 2. – – Режим доступа: <http://faspect.ru/?p=1207> – (Дата обращения: 9.02.2016).

СЕКЦИЯ Взаимодействие русского языка с другими языками народов РФ

РУССКИЙ ЯЗЫК В МЕЖНАЦИОНАЛЬНОМ ОБЩЕНИИ

Яшина Ольга Дмитриевна
Белорусский государственный университет

RUSSIAN LANGUAGE IN INTERNATIONAL COMMUNICATION

Yashina Olga Dmitriyevna
Belarus State univecity

Аннотация

Выявление сущностных лингвистических характеристик рус. языка как средства межнационального общения связано с исследованием разных его уровней, изучением результатов и форм межъязыковых контактов, рассмотрением процессов взаимодействия языка межнационального общения и национальных языков в условиях конкретных типов дву- и многоязычия, ареальной характеристикой рус. речи нерусских по отношению к рус. лит. языку.

Ключевые слова: русский язык, межнациональное общение, национальный язык

Abstract

Identification of the essential linguistic characteristics of the Russian language as a means of interethnic communication related to the study different levels, learning outcomes and forms of interlingual contacts, the consideration of processes of interaction of language and national languages in the conditions of specific types of bilingualism and multilingualism, areal characteristic of Russian speech but non-Russian towards Russian literary language.

Key words: Russian language, interethnic communication, national language

Traditionally the language of international communication called the language through which overcome the language barrier between representatives of different ethnic groups within a single multinational state. The output of any language outside of their ethnic group and the acquisition of their ethnic status is complex and multidimensional, involving the interaction of the whole complex of linguistic and social factors. When considering the process of becoming a language of international communication, priority is usually given to the social factors, because language features depend on the characteristics of the development of society. However, only the social factors, no matter how favorable they may be, are not able to nominate a particular language as the interethnic if it does not contain necessary language tools. Russian language belonging to the widespread languages of the world, meets the linguistic needs of not only Russians, but also people of other ethnicity living in Russia and abroad. This is one of the most developed world languages. He has a rich vocabulary Foundation and terminology in all fields of science and technology, the expressive brevity and clarity lexical and grammatical means, developed the system of functional styles, the ability to reflect the diversity of the surrounding world. Russian language can be used in all spheres of public life through a second language is passed various information, Express subtle shades of thought; in Russian created by globally acclaimed artistic, scientific and technical literature.

Maximum completeness of public functions, the relative solidity of Russian language (mandatory compliance with lit. language for all its speakers), writing, containing both original works and translations of all securities that created the world culture and science (in the 80s of the 20th century in Russian was published about a third of the artistic and scientific-technical literature of all printed materials in the world),- all this has ensured a high degree of communicative and informational value English language. Its role in the transformation of Russian language in the means of international communication has played and ethno-linguistic factors. Since the beginning of Russia statehood formation the Russians were the largest nation, the

language which was spoken in varying degrees throughout the state. According to the 1st all-Russian census of 1897, from 128,9 million inhabitants Grew. Empire on Russian the language spoken by two-thirds, or about 86 million people According to the Soviet census of 1989, in the USSR from 285,7 million people with about 145 million Russians, Russian language owned 232,4 million people. Linguistic, ethno-linguistic and social factors, taken individually, is insufficient for the extension of a language as a means of international communication. They indicate only the willingness and ability of language to perform this function, and the availability of favorable conditions for the spread of the language throughout the state. Only the combination of all the factors - linguistic, ethno-linguistic and social - leading to the formation of interethnic communication language.

In any multinational state there is an objective necessity of selection of one of the most developed and widely spoken languages to bridge the language barrier between the citizens, to maintain normal functioning of the state and all its institutions, to create favorable conditions for joint activity of representatives of all Nations and peoples, for the development of economy, culture, science and art. Common language of international communication provides every citizen, regardless of nationality, the possibility of constant and varied contact with other ethnic groups. Extension, the formation and functioning of Russian language as a means of international communication took place in different historical circumstances and at different stages of development of a society. The use of Russian language as a foreign language to overcome the language barrier between representatives of different nationalities totals not one century, so in the history of Russian language as a means of international communication is conditionally possible to allocate three periods, each characterized by its own specific characteristics: the first period - up to beginning of 20th century in Russian Empire, second period - until the end. 80-ies in the USSR; the third period is from the beginning of 90-ies in Russia and the CIS countries. The beginning of Russian language among representatives of other ethnic groups coincides, according to historical linguistics and Chronicles, with the development of the ancestors of the Russians the new territories; more intense this

process has been in the 16-19 centuries. in the period of establishment and expansion grew. States when the Russians were engaged in diverse economic, cultural and political contacts with local population of different ethnicity. In Russian Empire Russian the language was the state language.

Reliable data on the knowledge English the language of non-Russian population of the country as a whole and the breadth of its use in international communication in Russia con. 19th - beginning of 20th centuries no. However, the ratio of functional loading Russian language as the state language and other national languages in various areas, data on study of Russian language available-native (according to the then terminology) schools and other educational institutions in each region of the state, written evidence of his contemporaries and some of the other materials confirm the use of Russian language as a means of international communication, although the level of ownership in most cases was low. The second period is characterized by features that are due to changes in national language policy in the Soviet Union at different stages of its existence. After 1917 the country had abolished mandatory state language. In 1919 it was adopted the decree SNK RSFSR "About liquidation of illiteracy of population in RSFSR", according to whom "the entire population... aged 8 to 50 years who cannot read and write, must learn to read and write in their native language or Russian on request".

Original Russian language was not a compulsory subject in schools with national language of instruction: its spread as a language of interethnic communication objectively contributed to cultural, educational, economic and socio-political transformation in the country. However, existed in the 20-30-ies of the spread of Russian language among non-Russian population does not meet the needs of a centralized state in General for all people the language of international communication. In 1938 adopted a resolution SNK USSR and the Central Committee of the CPSU(b) "compulsory study of the Russian language in schools of national republics and regions". In the decree there is no direct evidence of the privileged position of Russian. language, but with its practical implementation in the regions gradually began restricting areas of functioning of some of the native languages of

citizens of the USSR. Since 1970 the all-Union population censuses contain data on the number of persons of non-Russian nationality, fluent in English as a second language (non-native) language. In the period from 1970 to 1989 the number increased from 41.9 to 68.8 million; in 1989 in the USSR in General, the number of persons of non-Russian nationality, fluent in English language, amounted to 87.5 million people.

From the middle of the 80s, when Russian the language continued to function as a language of interethnic communication, the attitude of the Russian language as a beginning to change that was the natural result of the costs of the national language policy in the USSR from the late 30s, as well as the effect of some socio-political processes in the country. Russian language policy became known as "the Imperial tongue, the language of totalitarianism", "language of occupants"; in the resolutions of the conferences on national language issues (e.g., in Ukraine, 1989) the national-Russian bilingualism was described as "politically harmful" and "scientifically untenable". During this period, in the former Union and Autonomous republics began formally decreed the narrowing of the spheres of the functioning of Russian language as a means of international communication, a significant reduction in the number of hours devoted to studying Russian language in the national schools, and even the exclusion of the subject of the "Russian language" of school and University programs. However, conducted in early 90-ies of sociolinguistic research in ROS. republics and some countries of the CIS reflect recognition of the greater part of society the fact that at the present stage to solve the problem of international communication without Russian the language is difficult.

The feature of the third period of the Russian language as a means of international communication not only in the Russian Federation. but in the group of sovereign States. In Russia, according to the census of 1989, from 147 million to about 120 million Russians, more than 50% of non-Russian the population is fluent in Russian as a second language. In accordance with the Constitution of the Russian Federation (1993) [and the "Law on languages of the peoples of the RSFSR" (1991)] Russian language is the state language of the Russian Federation on its entire

territory. The Constitution provides that the operation of Russian language as a national and ethnic group should not hinder the development of other languages of the peoples of Russia. The scope of the Russian language as the official n ethnic subject to legal regulation; it does not set legal norms using Russian language in informal interpersonal relationships and in the activity of public and religious associations and organizations. Russian language as the state language of the Russian Federation performs many and varied functions in the society that determines the social necessity of studying the entire population of Russia. In the middle of the 90s of the 20th century, Russian language still is a language of interethnic communication in the CIS countries due to some objective circumstances, and in view of historically developed traditions of its use by the population of these countries. Materials of census of 1989 showed that 63.8 million people of non-Russian population of the former Soviet republics (except RSFSR) own English the language as native or as second language. Linguistic aspects of studying Russian language as a means of international communication are characterized by a certain specificity. Ethnic the expansion of the user base Russian language as a foreign language, the functioning of the Russian language in conditions of foreign environment leads to the appearance in it phonetic, grammatical, lexical and semantic features. According to some scholars (N. M. Shan, T. A. Bobrov), the totality of these features varies in different regions of existence of Russian language as a means of international communication, promotes the formation of national (in other terminology - regional) variants Russian language.

Other scientists (V. V. Ivanov, N. G. Michael) believe that meeting the needs of international communication is one of the functions of Russian literary language, the violation of which foreign users due to interference (see). There is also a point of view (T. Y. Poznyakova), according to Roy, the language of interethnic communication is a functional variant of Russian language, the hallmark of which is adapted to the conditions of interethnic communication specialization grammatical and lexical means Russian literary language: increasing the number of analytical constructs for expressing grammatical meanings, frequency and stability of usage of syntactic patterns of expression of the category of gender, etc. In the language of

international communication is the selection and consolidation of morphological forms and syntactic constructions, lexical items, valued primarily as a communicative significant and sufficient. The study of Russian language in different types of national-Russian bilingualism confirms the presence of a number of common specific features in the language of international communication, regardless of the region of existence. However, in Russian the language of non-Russian linguists and marked by such peculiarities, which are characterized as purely regional, not in the other foreign regions. On this basis, the conclusion about regional variation in non-native English speech (non-native English it is a set of texts, both written and oral, made by people for whom English the language is not native). However, remain unknown maximum permissible qualitative and quantitative levels of regional variation, which allows to qualify the language of interethnic communication how Russian language, not a pidgin is a mixed language resulting from language interaction (in pidgin often presents the grammar of one language, and vocabulary - other). Identification of the essential linguistic characteristics of the Russian language as a means of interethnic communication related to the study different levels, learning outcomes and forms of interlingual contacts, the consideration of processes of interaction of language and national languages in the conditions of specific types of bilingualism and multilingualism, areal characteristic of Russian speech but non-Russian towards Russian literary language. The results of these studies are important for practical action to optimize the process of learning Russian language as a foreign language to the extent that the communicative competence of the users.

Библиографический список

1. Виноградов В.В. Русский язык. (Грамматическое учение о слове). М. Высшая школа, 1986.
2. Выготский. Л. С Развитие устной речи. М.: Просвещение, 1982.
3. Леонтьев. А. А. Язык, речь, речевая деятельность. М.: Просвещение, 1975.
4. Современный русский язык. Труды Е.М. Галкиной-Федорчук Ч.П. М. Издательство МГУ. 1997. 5. Ушакова. Т..Н., Павлова. Н. Д., Зачесова И.А. Речь в общении человека. М.: Наука, 1989

СЕКЦИЯ Русский язык в национальном информационном пространстве: особенности функционирования

УДК 811

СЕМАНТИКА СЛОВА В ДЕЛОВОМ ДОКУМЕНТЕ

Маркова Татьяна Дамировна

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

tatiana.markova2012@gmail.ru

SEMANTICS OF A WORD IN A BUSINESS DOCUMENT

Tatyana Damirovna Markova

Nizhny Novgorod N.I. Lobachevsky State University

Аннотация

Данная статья посвящена проблеме использования общеупотребительных слов в функции терминов в контексте делового (правового) документа. Общеупотребительное слово имеет богатый речевой «опыт», синтагматический потенциал такого слова копится в процессе разнообразного и многократного употребления в самых разных ситуациях, результатом чего бывает насыщение семантики слова различными оттенками. Это, в свою очередь, влияет на дальнейшие функциональные возможности конкретной лексической единицы. Применительно к деловому документу использование подобных семантически «обогащённых» слов весьма нежелательно, так как приводит к невозможности ясно и однозначно толковать деловой (правовой) документ.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, деловой документ, термин, общеупотребительное слово, лексическая единица, лексическая семантика, лексическое значение.

Abstract

This article is devoted to the problem of common words in the context of the business (legal) document. A common word has a rich “experience”, high syntagmatic potential, which is accumulated in the course of various and multiple use

in different situations, sometimes the result of it is a paradigm of different semantic “shades”. This affects the functionality of particular lexical unit. Concerning the use of business documents such semantically “enriched” words are absolutely undesirable, as the using of them leads to the inability of correct interpretation of the business document.

Keywords: linguistic expertise, business document, term, common word, lexical unit, lexical semantics, lexical meaning.

Поводом для написания настоящей статьи стала проведённая автором (по адвокатскому запросу) лингвистическая экспертиза, в связи с необходимостью истолкования лексического значения слова «освоение» в контексте договора аренды земельного участка.

На разрешение лингвиста были поставлены следующие вопросы:

1. Каково значение термина «освоение земельного участка»?
2. Каковы пределы значения указанного термина?
3. Включается (входит) ли в понятие «освоение земельного участка» строительство зданий (строений, сооружений) на нём?

Поставленные вопросы свидетельствуют, во-первых, о важности правильной интерпретации значения данной лексической единицы для функционирования делового документа – договора аренды (и для практики правоприменения как таковой [8]). А во-вторых, о том, что в контексте строго официального документа, насыщенного юридическими и экономическими терминами, общеупотребительное слово («освоение») приобретает стилистическое сходство с терминами, однако в действительности таковым не становится, препятствуя однозначному пониманию документа и корректному его использованию. Результатом является возникновение спорной ситуации, разрешить которую бывает непросто.

Исследование терминов предполагает понимание специфики термина как феномена. Многие вопросы, касающиеся специфических свойств термина, остаются дискуссионными, однако не подвергается сомнению наличие у термина

чувственно воспринимаемой материальной оболочки, а также связь термина с предметом и понятием, или предметно-понятийная отнесенность термина.

Объединение терминов, выражающих понятия определенной области знаний, называется терминологией или терминосистемой. Терминосистема возникает в результате упорядочения терминологии, осуществляемого специалистами, т.е. стихийно сформировавшиеся терминологии не образуют терминосистем.

Термин □ это «языковая единица (слово или словосочетание) преимущественно субстантивного характера, конвенционально соотносящаяся с понятием и предметом профессиональной сферы и служащая для концентрации, фиксирования, хранения и передачи профессиональной информации» [3, с.77]. Данное определение термина закономерно предполагает обязательное наличие у термина специальной дефиниции. Дефиниция, или определение, – это «словесное выражение тех специфических особенностей, которые отличают данное понятие от смежных с ним, перечисление существенных признаков дефинируемого предмета, явления, которые репрезентируют понятие» [6, с.162]. Рассматриваемое в нашем случае словосочетание («освоение земельного участка») не имеет фиксации в специальных словарях, а следовательно, не обладает и специальной дефиницией. Поэтому однозначно можно утверждать, что словосочетание «освоение земельного участка» не является на сегодняшний день термином: ни в одном из справочных либо специальных изданий не обнаружено строго терминологического толкования этого словосочетания. Вероятно, в юридической практике данное словосочетание имеет конвенциональное, традиционное использование. И так как данное понятие нигде отдельно не оговаривается и не комментируется, равно как и объём содержания рассматриваемой словосочетательной единицы, то речевая практика (в том числе и узкоспециальная) должна опираться на общенародное толкование слов, входящих в указанное словосочетание.

Главным словом в анализируемом словосочетании является слово «освоение». Имя существительное «освоение» толкуется различными

словарями русского языка схожим образом – как наименование, производное от глагола «освоить», с результативно-процессуальным значением. Глагол «освоить», в свою очередь, имеет следующее значение: 1. ОСВОИТЬ – Вполне овладеть чем-н., ознакомившись с чем-н., научившись пользоваться, сделав пригодным для употребления. О. новую технику. О. целинные земли [4].

Таким образом, «освоение земельного участка» – это создание условий, при которых участок становится пригодным для употребления. Степень и собственно факт наличия признаков пригодности можно установить лишь в процессе использования. Подобная интерпретация словарной справки подтверждается данными другого словаря – Нового словаря русского языка [2]. В нём имя существительное «освоение» также определено как производное процессуальное наименование от глагола «освоить», который, в свою очередь, толкуется через форму несовершенного вида. В этом толковании значение, в котором употреблена интересующая нас лексическая единица, развёрнуто до формулировки «доводить до состояния годности к использованию» – и «использовать»:

ОСВАИВАТЬ – 1. Доводить до состояния годности к использованию, употреблению. // Употреблять, использовать деньги, средства. 2. Научиться пользоваться чем-л., употреблять что-л., овладевать чем-л. // Налаживать изготовление, производство чего-л. 3. Поняв, разобрав, запоминать, усваивать что-л. 4. Приучать растения к новому климату, почве.

2. ОСВОИТЬ – 1. Научиться пользоваться чем-л., употреблять что-л., овладеть чем-л. О. ремесло. О. производство новых машин. О. новую профессию. О. программирование. О. навыки работы с компьютером. // Включить в круг своей хозяйственной деятельности. О. целинные земли. О. Крайний север. 2. В процессе изучения чего-л., знакомства с чем-л. приобрести какие-л. знания, постичь что-л., усвоить. О. прочитанный материал. О. культурное наследие. О. законы чужого языка [1].

В данном случае Словарь предлагает ещё более широкое толкование слова. Весьма схожее толкование предлагается и Словарём русского языка под

редакцией А.П. Евгеньевой:

ОСВОИТЬ – 1. Научиться пользоваться чем-л., употреблять что-л., овладеть чем-л. Освоить ремесло. Освоить производство новых машин. // Включить в круг своей хозяйственной деятельности. Освоить целинные земли. Освоить Крайний Север. 2. В процессе изучения чего-л., знакомства с чем-л. приобрести какие-л. знания, постичь что-л., усвоить. Освоить прочитанный материал [5].

Итак, обобщив приведённые выше толкования, определим значение словосочетания «освоение земельного участка» следующим образом: это создание условий, при которых участок становится пригодным для употребления и используется, будучи включённым в круг хозяйственной деятельности лица, осваивающего этот участок.

Слова «освоить» и соответственно «освоение» связаны с лексической единицей «свой». Именно на основе слова «свой» формировались наименования «освоить» и «освоение»: освоить – то есть сделать своим. Глагол «освоить» производный, образован от притяжательного местоимения «свой» конфиксальным способом: о-сво-и-ть. Об этом свидетельствуют и данные Словообразовательного словаря русского языка [7, с.704]. Близкими по значению являются глаголы «присвоить» и «усвоить». Оттенки семантики, отличающие данные глаголы друг от друга, обусловлены семантикой используемых в составе каждого из глаголов приставок. Словообразовательное значение каждого из глаголов (а следовательно, и производных от данных глаголов процессуально-результативных именных единиц «освоение», «присвоение», «усвоение») будет включать в себя содержательный фрагмент «сделать своим». Однако степень данного состояния будет зависеть от значения приставки. Все три глагола образованы по схожим словообразовательным моделям и включают в свой состав одну и ту же производящую основу. Что же касается отглагольных имён существительных, рассматриваемых здесь, то все они («освоение», «присвоение», «усвоение») образованы по одной и той же словообразовательной модели (с использованием одного и того же суффикса) и

относятся к одному и тому же словообразовательному типу. Эти имена существительные включают в свой состав один и тот же корень, имеющий притяжательное значение и являющийся основой лексического значения каждого из указанных наименований.

Из лексического и словообразовательного значений слов «освоить» и «освоение» следует, что точные временные и качественные границы понятия «освоить» («освоение») могут быть окончательно установлены лишь собственно лицом, которое осуществляет освоение: лишь это лицо в состоянии однозначно определить, что стало по отношению к нему «вполне своим». В этом аспекте речь, безусловно, должна идти о том, что стало приносить прибыль как нечто, принадлежащее тому, кто осваивает (осуществляет «освоение»). Это следует из лексического значения слова «свой»: «1. Принадлежащий себе. 2. Собственный, составляющий имущество или достояние отдельного лица» [1].

Таким образом, значение словосочетания «освоение земельного участка» должно включать в себя такие моменты, как:

1) подготовка земельного участка к использованию и включение земельного участка в хозяйственную деятельность лица, которое этот участок осваивает (в этом случае речь идёт о начале или процессе освоения);

2) появление в результате освоения собственного (в отношении осваивающего лица) имущества, прибыли в том или ином виде, собственности (в этом случае речь идёт о результате освоения).

Резюмируя всё сказанное выше, можно сформулировать ответ на третий вопрос: строительство зданий (строений, сооружений) на земельном участке входит в понятие «освоение земельного участка», если без такого строительства невозможно осуществление хозяйственной деятельности на осваиваемом участке и появление прибыли (собственности), принадлежащей лицу, занимающемуся освоением.

Библиографический список

1. Большой толковый словарь русского языка / Гл.ред. С.А. Кузнецов. СПб.,

2002. 1536 с.

2. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М., 2000. Т.1. 1209 с.
3. Лемов А.В. Система, структура и функционирование научного термина. Саранск, 2000. 192 с.
4. Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Русский толковый словарь. М., 2007. 928 с.
5. Словарь русского языка: в 4-х тт. / РАН, Ин-т лингвистических исследований; под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1999. Т.2. 736 с.
6. Суперанская А.В. Общая терминология: Вопросы теории. М., 1989. 246 с.
7. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2-х тт. М., 1990. Т.1. 856 с.
8. Юматов В.А. Методологические вопросы развития содержания понятия эффективности правоохранительной деятельности // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2010. № 5. С. 294.

УДК 811.161.1

**СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СВЯЗНОСТЬ ТЕКСТА КАК ОБЪЕКТ
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**

Плесканиук Татьяна Николаевна

Нижегородский институт управления РАНХиГС

**DERIVATIONAL COHERENCE OF THE TEXT AS AN OBJECT OF
LINGUISTIC RESEARCH**

Pleskanyuk Tatyana Nikolayevna

Nizhny Novgorod institute of public and business administration

Аннотация

Текст – это одна из форм коммуникации, в которой реализуется система языка, представляющего инвариантную модель сообщения информации, базирующуюся на семантической референции и кореференции языковых единиц и характеризующуюся признаками связности, целостности, выраженности, структурности и ограниченности. Текст – знаковая уровневая система, важными составляющими которой являются коммуникативная,

семантическая и структурная связность.

Ключевые слова: текст, целостность, коммуникативная связность, семантическая связность, структурная связность

Abstract

The text is a form of communication, which is implemented in the language system that represents an invariant model of information communication, based on semantic references and coreference linguistic units and characterized by features of connectivity, integrity, intensity, structure and limitations. Text – level symbolic system, the essential parts of which are communicative, semantic and structural coherence.

Key words: text, integrity, communicative coherence, semantic coherence structural coherence

Под текстом в современной лингвистике обычно понимают *связную последовательность знаков*, оформленную в соответствии с основными способами и правилами функционирования данной языковой системы. П. Хартманн утверждает, что язык изначально существует в форме текстов и что текст является «лингвистически значимым первичным знаком языка» [8], тогда как другие языковые единицы лишь выделяются из него посредством лингвистического анализа.

Текст как система представляет собой развертывание и переключение внутреннего кода на внешнюю вербализацию в процессах порождения речи и ее интерпретации с учетом социально-психологических типов личностей и коммуникативных установок. [7]

Проблема текста как сверхпредложенческого единства еще в 30-40 гг. XX в. представлена Н.С. Поспеловым, И.А. Фигуровским. Изучению текста как сложного синтаксического целого посвящены труды В.Г. Гака, Г.А. Золотовой, Г.Я. Солганика; грамматики текста – Н.Д. Бурвиковой, Г.В. Колшанского, О.И. Москальской и др.

Три аспекта лингвистики текста. Текст структурирует (ставит в

определенные отношения) три аспекта языковых единиц: *знаковый* (в данном случае словообразовательные единицы в функции связующих элементов текста), *смысловой, или семантический* (соотнесенность материальной оболочки слова-термина с реалией объективной действительности) и *коммуникативный* (распределение коммуникативной силы элементов высказывания). При этом реалия часто называется предметом речи (референтом, денотатом), понятие об этой реалии – сигнификатом. Возможность представления в этой связи словообразовательной единицы вытекает из принятия в работе представления о том, что «текст - правила, регулирующие употребление лексических, морфологических, в том числе словообразовательных единиц, синтаксических конструкций в коммуникации [3].

Данные аспекты определяются содержанием (темой) высказывания, функционально-смысловым типом речи (оптимальной формой высказывания), письменным характером текста, стилистическими приемами (сознательным отбором языковых средств с целью оказать определенное воздействие на читателя и вызвать у него желаемую реакцию).

Знаковый аспект предполагает рассмотрение текста как совокупности языковых элементов (вещный, субстантивный подход), в том числе и словообразовательных единиц. Текст оценивается и как совокупность отношений между его элементами (структурный подход), и как связанное целое, то есть согласованная совокупность элементов и отношений (системный подход).

На этом фоне формируется понимание текста как некой *инвариантной модели* текста, что связано в лингвистической науке с именами таких ученых, как И.Р. Гальперин, М.Я. Дымарский, Е.С. Кубрякова, О.И. Москальская, Е.В. Падучева, И.С. Улуханов и др. Под инвариантной моделью текста понимается «концептуальный каркас», отражающий всю совокупность существующих в языке текстов. Основными параметрами текста являются целостность, выраженность, единство смысла, связность, структурность, нормированность

[4].

В таком случае собственно текст представляет собой некоторое завершённое сообщение, обладающее своим содержанием, организованное по абстрактной модели одной из существующих в литературном языке форм сообщений (функционального стиля и его разновидностей) и характеризуемое своими дистинктивными признаками связности, целостности и др.

Собственно языковым аспектам изучения текста посвящена и *грамматика текста*, в рамках которой исследователи (Н.Д. Арутюнова, М.Я. Дымарский, С.Г. Ильенко и др.) исходят из плодотворной идеи, что текст как продукт и текст как процесс (порождение текста) – две тесно связанные между собой, но существенно различные стороны одного явления.

В таком случае текст, представляя собой системно-структурированное образование, как процесс обеспечивается изначальной установкой на создание некоего целого и как продукт определенными вербальными и невербальными средствами инициальную установку на создание завершённого целого [2].

Основными признаками текста являются *связность* и *целостность*. По словам К. Бооста: «Нити, протянутые от одного предложения к другому, столь многочисленны, образуют такую плотную сетку, что можно говорить о переплетённости, о сплетении предложений в единую сетку, так что каждое отдельное предложение как бы неразрывно связано с остальными» [9]. При этом указываются основные средства взаимной связи между предложениями: лексические повторы, местоимения, контекстуально обусловленный эллипсис, употребление глагольных времен и т.п.

Задачей **смыслового аспекта** лингвистики текста является выявление глубинных смыслов, содержащихся в одном каком-либо замкнутом тексте. В этом случае выявление принципов употребления языковых единиц помогает эти скрытые смыслы выделить, что сближает лингвистику с герменевтикой как толкованием неясного смысла текста.

В исследовании учитывалось, что «содержание» применительно к тексту имеет терминологическое употребление, отличное от понятий «смысл» и

«значение». «Содержание» как термин грамматики текста относится лишь к информации, заключенной в тексте в целом; «смысл» - к мысли, сообщению, заключенному в предложении или в сверхфразовом единстве; «значение» - к языковым единицам, морфемам, словам, словосочетаниям, синтаксическим конструкциям [1].

Содержание конкретного текста относительно стабильно, смысл вариативен и зависит во многом от индивидуальных качеств воспринимающего. Содержание как суть изложения, содержательная информация, определенный набор, последовательность эпизодов, соответствующих объективной и «мыслимой» (для художественных произведений) действительности, подразумевает наличие определенной структуры содержательных элементов, или содержательной структуры, которые разными исследователями называются: автор, соавтор, читатель, текст и предмет; тема, подтема, супратема и макротема; денотат и сигнификат как представления о том, что обозначается языковым выражением.

Различается *языковое* и *глубинное* содержание текста. Языковое (поверхностное) значение текста – это то, которое выводится на основе чисто языковых компонентов текста, а глубинное или неязыковое, ситуационное значение текста – то содержание, которое вкладывается в данный текст автором и которое выражается языковыми средствами (неязыковые знания, ассоциации, специфика предметной области, с которой связано высказывание, условия коммуникации, особенности автора, его представления о реальных или потенциальных реципиентах (макрокомпонент текста)) [5] .

В тексте как данности речи, в которой актуализируются и объективируются формы языка, выделяются две условные зоны – ядро, которое составляют текстообразующие элементы, несущие информацию о воспроизводимой в тексте объективной ситуации, и периферия [6]. На выбор текстообразующих средств влияют условия, которые, согласно определению Р. Богранда и В. Дресслера, образуют главный признак текста – текстуальность; ему соответствуют такие содержательные признаки текста, как ситуативность,

интенциональность, приемлемость, информативность, когезийность [10].

Разновидностью смыслового аспекта выступает понимание текста и как логической единицы, представляющей содержание в виде пропозиций. *Пропозиция* – это независимая в языковом плане и нейтральная по отношению к коммуникативному акту абстрактная структура предложения, текста или семантический инвариант, конкретным выражением которой является действительное положение дел. Совокупность пропозиций, лежащих в основе текста, образует текстуру текста.

На лингвистическом уровне пропозиция означает такой семантический инвариант, который сохраняется в случае изменения коммуникативного задания, то есть способен соединяться с любым «модусом коммуникативной цели»; изменяется лишь внешняя форма, скрывающая за собой единую глубинную структуру, неизменный семантический инвариант. Пропозиции существуют как связи или отношения к своему / своим аргументам, или же как отношения четырех главных типов: идентификации и тождества, номинации и характеристики.

Широкое распространение получило представление о том, что пропозиции формируют «каркас» будущего предложения, текста, обеспечивают объективацию и вербализацию их содержания, в том числе и средствами словообразования. Отсюда внешние события, объекты, явления воспринимаются в их взаимодействии, взаимоотношениях, т.е. в их связях.

Коммуникативный аспект лингвистики текста предполагает изучение компонентов текста, связанных с обеспечением правильной коммуникации и тем самым – правильного построения текста вообще. Выявляемые смысловые различия языковых единиц относятся как к правилам семантического, так и прагматического характера, определяющим некоторый общий фонд знаний общающихся, общую «картину мира», без единства которой текст будет непонятен. Под текстом в данном случае понимается широкое контекстно-коммуникативное пространство, существующее, подразумеваемое или создаваемое автором при желании воздействовать на воспринимающего.

Речепроизводство текста призвано установить между говорящим / пишущим определённые отношения со слушающим / читающим. Соответственно в основе каждого текста лежат формальные и содержательные средства связи, во многом определяющие содержание и структуру коммуникативного контекста. Текст только тогда имеет определённый смысл, когда чётко прослеживается его коммуникативная функция.

Коммуникативный аспект анализа текста трактует понимание, порождение и интерпретацию текста на базе теории речевых актов (Дж. Остин, Дж. Р. Серль). Коммуникативный, или *речевой*, акт – целенаправленное речевое действие, совершаемое в соответствии с принятыми в обществе нормами. Основы теории речевых актов составляют построение высказывания из слов данного языка по правилам его грамматики; наполнение высказывания смыслом, то есть референцией, или соотнесенностью с действительностью; выражение коммуникативной цели воздействовать на сознание или поведение адресата и др. В свете теории речевых актов текст является системой речевых актов как взаимосвязанных специализированных функций общения, познания, и коммуникативное содержание текста определяется главным образом контекстуальным фактором, то есть коммуникативными намерениями и коммуникативными задачами, акцентированием того или иного текстуального содержания.

Структура текста и его основные единицы. Текст, если рассматривать его в системе обобщенных функциональных категорий, квалифицируется как высшая коммуникативная единица. Это целостная единица, состоящая из коммуникативно-функциональных элементов, организованных в систему для осуществления коммуникативного намерения автора текста соответственно речевой ситуации.

Если принять, что текст отражает некое коммуникативное событие, то, следовательно, элементы события должны быть соотнесены с отдельными компонентами (или единицами) текста. Поэтому выявление единиц текста и их

иерархии в общей структуре текста помогает вскрыть сущностные характеристики текста – содержательные, функциональные, коммуникативные. При этом надо иметь в виду, что единицы текста, представленные, в частности, в виде высказываний, отражают лишь значимые для данного текста элементы ситуации-события; остальные же элементы могут опускаться из-за их ясности, достаточной известности. То есть мы имеем дело с некоторым несоответствием между высказыванием и отраженной в нем ситуацией. Это ставит вопрос о семантической наполненности единиц текста и ее достаточности или недостаточности в рамках целого текста.

Текст имеет свою микро- и макросемантику, микро- и макроструктуру. Семантика текста обусловлена коммуникативной задачей передачи информации (текст – информационное целое); структура текста определяется особенностями внутренней организации единиц текста и закономерностями взаимосвязи этих единиц в рамках цельного сообщения (текста) (текст – структурное целое). [5]

Единицами текста на семантико-структурном уровне являются: высказывание (реализованное предложение), межфразовое единство (ряд высказываний, объединенных семантически и синтаксически в единый фрагмент). Межфразовые единства в свою очередь объединяются в более крупные фрагменты-блоки, обеспечивающие тексту целостность благодаря реализации дистантных и контактных смысловых и грамматических связей. На уровне композиционном выделяются единицы качественно иного плана – абзацы, параграфы, главы, разделы, подглавки и др.

Единицы семантико-грамматического (синтаксического) и композиционного уровня находятся во взаимосвязи и взаимообусловленности, в частном случае они даже в «пространственном» отношении могут совпадать, накладываясь друг на друга, например, межфразовое единство и абзац, хотя при этом они сохраняют свои собственные отличительные признаки.

С семантической, грамматической и композиционной структурой текста тесно связаны его стилевые и стилистические характеристики. Каждый текст

обнаруживает определенную более или менее выраженную функционально-стилевую ориентацию (научный текст, художественный и др.) и обладает стилистическими качествами, диктуемыми данной ориентацией и, к тому же, индивидуальностью автора. Стилистические качества текста подчинены тематической и общей стилиевой доминанте, проявляющейся на протяжении всего текстового пространства. [4]

Построение текста определяется темой, выражаемой информацией, условиями общения, задачей конкретного сообщения и избранным стилем изложения. Текст как речевое произведение состоит из последовательно объединенных вербальных средств (высказываний, межфразовых единств). Однако значения, заключенные в тексте, не всегда передаются только вербальными средствами. Для этого существуют и средства невербальные; в рамках высказывания и межфразового единства это может быть порядок слов, соположение частей, знаки препинания; для акцентирования значений – средства выделения (курсив, разрядка и др.) Например, при сочетании высказываний *Сын пошел в школу. Дочка – в детский сад* сопоставительное значение не нашло для себя словесного выражения; кроме того, сказуемое *пошла* заменено знаком тире. В рамках более сложных компонентов текста таких невербализованных значений может оказаться значительно больше.

Таким образом, текст – это одна из форм коммуникации, в которой реализуется система языка, представляющего инвариантную модель сообщения информации, базирующуюся на семантической референции и кореференции языковых единиц и характеризующуюся признаками связности, целостности, выраженности, структурности и ограниченности. Текст – знаковая уровневая система, важными составляющими которой являются коммуникативная, семантическая и структурная связность.

Библиографический список

1. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 144 с.

2. Дымарский М.Я. Проблемы текстообразования и художественный текст (на материале русской прозы XIX –XX вв.) / М.Я. Дымарский. – СПб., 2001. – 298 с.
3. Кубрякова Е.С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира / Е.С. Кубрякова // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира. – М.: Просвещение, 1996. – С.141– 173.
4. Плесканюк Т.Н. Комплексные средства словообразовательной связности текста (структурно-семантический аспект): дис.. канд. филол. наук. -Н.Н., 2014. .
5. Плесканюк Т.Н. Особенности семантики и прагматики производного слова. Филологический аспект. 2016. № 1. С. 31-34.
6. Плесканюк Т.Н. Связующая функция словообразовательных единиц в тексте // Вестник Университета Российской академии образования. – 2009. – №2. – С. 50-53. – Режим доступа: www.vestnikura.o.ru/pdf/VESTNIK_URAO_2-2009r.pdf (0,3 п.л.).
7. Плесканюк Т.Н. Словообразовательная последовательность как средство текстовой словообразовательной связности//Современные проблемы науки и образования. -2014. -№ 1. -Режим доступа: www.science-education.ru/115-12099.
8. Хартманн П. Текст, тексты, классы текстов / П. Хартманн // Проблемы теории текста: Реферативный сборник. – М.: Наука, 1978. – 307 с.
9. Boost K. Neue Untersuchungen zum Wesen and zur Struktur des deutschen Satzes / K. Boost. – Berlin: Akademie–Verlag, 1955. – 88 p.
10. Dressler W.U., R. de Beaugrande. Einführung in die Textlinguistik. Tübingen, Niemeyer / Dressler, Beaugrande // Introduction to Text Linguistics. – London: Longman, 1981. – 290 p.

СЕКЦИЯ Русская литература – традиции и современность

УДК 82.091

СЕНТИМЕНТАЛЬНОЕ В ПИСЬМАХ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО 1837 - 1846 ГГ.

Курган Марина Геннадьевна
Томский государственный университет, г. Томск
marina_sunrise@mail.ru

THE SENTIMENTAL IN THE LETTERS OF F.M. DOSTOEVSKY FROM 1837 TILL 1846

Kurgan Marina Gennadievna
Tomsk State University, Tomsk

Аннотация

В статье производится анализ писем Ф.М. Достоевского раннего периода с целью выявить в них сентименталистский субстрат, выраженный в определенных эстетических категориях. Эпистолярное наследие указанного периода классифицируется. Делается вывод об определяющем значении категории сентиментального для раннего жизненного и творческого периода Ф.М. Достоевского.

Ключевые слова: сентиментализм, письма Ф.М. Достоевского, категория сердца.

Abstract

The article analyzes the letters of F.M. Dostoevsky of early period for the purpose to make clear their sentimental substrate, which appears in the definite aesthetic concepts. The epistolary heritage of this period is classified. Drawing a conclusion of importance of the sentimental in the Dostoevsky's early life and artistic period.

Keywords: sentimentalism, letters of F.M. Dostoevsky, concept of a heart

Эпистолярное наследие Ф.М. Достоевского является уникальным памятником его частной жизни, сведения о которой могли быть не доступны из других источников. Поскольку Достоевский не вел дневник, в отличие от Жуковского или Толстого, а «Дневник писателя» является его публицистическим проектом, по словам Г.М. Фридендера, письма «заменяют Достоевскому личный дневник» [1, с. 5].

Именно эпистолярный жанр является одним из основных для литературы сентиментализма. Значение категории сентиментального как явления культуры и сентиментализма как особого литературного направления в творчестве и жизни Достоевского весьма велико, о чем говорят значительные исследования в данной области. Так, Э.М. Жиликова в монографии «Традиции сентиментализма в творчестве раннего Достоевского (1844-1849)» раскрывает философские и эстетические предпосылки обращения Ф.М. Достоевского к сентиментальной традиции, демонстрируя их разнообразие и сложное взаимодействие друг с другом. Первостепенной причиной активного восприятия Достоевским художественного наследия сентименталистов явилось то, что именно это направление впервые раскрыло в литературе во всей полноте палитру человеческих переживаний, страстей, показало красоту внутренней жизни сердца людей низшего сословия. «В художественном наследии сентименталистов Достоевский находил идеи и образы, отвечавшие его стремлению исследовать и гуманизировать сознание демократического героя» [3, с. 265].

Корпус эпистолярных текстов Ф.М. Достоевского можно разделить, согласно основным этапам жизни писателя, границы которых прочитываются и в самих письмах, выражаясь в изменениях словесного и содержательного строя эпистолярия. В данной работе предполагается рассмотрение ранних писем Достоевского, написанных до 1849 года, что, с одной стороны, обусловлено исследовательским интересом к указанному периоду жизни писателя, а, с другой, органической связью размышлений и первых произведений писателя с традицией сентиментализма.

Однако и выбранный период можно разделить на этапы, которые отчетливо проявляются в переписке Достоевского. Письма с 1832 года (где присутствует лишь подпись юного Достоевского к общему письму) по 1837 год обращены к отцу и матери. Самое первое письмо, датированное 1832 годом, адресовано отцу Достоевского и начинается с характерного обращения «дражайший папенька», от которого веет духом идиллического настроения, присущего сентиментальным семейным романам. Данное обращение Достоевский будет использовать почти в каждом письме к отцу в последующие годы. Все письма данного периода построены по довольно однообразной схеме, которая включает этикетное обращение, исполненное сентиментальной любезности, краткое описание положения собственных дел, рассказ о погоде, прогулках, часто (в письмах к отцу) – просьба выслать деньги и заключение, сходное по духу с обращением письма.

Сочинительский талант Достоевского в указанных письмах, полных этикетными выражениями, еще невозможно оценить, однако данные тексты оказываются важными для понимания темы «Достоевский и сентиментализм». Этикетные и шаблонные фразы, которыми наполнены письма, сами по себе отсылают к традиции сентиментального эпистолярного романа, но воспринятой скорее в ироническом ключе. Однако в письмах Достоевского к матери сквозь завесу напускных выражений просвечивает искреннее чувство: «Когда Вы уехали от нас, любезная маменька, то мне стало чрезвычайно скучно <...> если б Вы знали, как мне хочется Вас увидеть, я не могу дождаться сей радостной минуты» [1, с. 31].

Кроме того, в ранних письмах Достоевского причудливо сочетаются возвышенность этикетных выражений и оборотов с включением сюжетов бытового характера, когда Достоевский интересуется здоровьем братьев и сестер или сбором урожая гречихи и хлеба, что создает некий образ идиллического семейства, в котором между детьми и родителями царит искренняя любовь и взаимопонимание, а семейные дела идут своим чередом, подчиняясь естественному природному циклу. Но в действительности семья

Достоевского, отношения его с отцом, отношения между отцом и матерью нельзя назвать идиллическими, о чем говорит и таинственная кончина отца писателя. Так, через несоответствие собственной семьи некоему патриархальному идеалу, зарождается и проясняется важнейшее для художественного мира Достоевского понятие «случайного семейства», которое будет актуально для всех фундаментальных его произведений.

Тенденция, наметившаяся в самых ранних письмах к отцу, продолжится и далее. С 1837 года письма Достоевского меняют свой исключительно идиллический тон, становятся заметно объемнее, круг адресатов расширяется, письма же к отцу сохраняют прежнюю почтительность в обращении, но все заметнее становится «различие натур» отца, человека старой эпохи, и сына, «юного мечтателя» [1, с. 8]. Письма к отцу, к дяде и тетке Куманиным, к сестре В.М. Достоевской и ее мужу, опекуну братьев и сестер П.А. Карепину имеют исключительно официально-семейный характер, в них решаются вопросы о пересылке необходимых денег, о выплате причитающейся доли наследства, о здоровье братьев и сестер. Однако в письмах этой группы не находит свое выражение подлинная внутренняя жизнь Достоевского.

То, что действительно занимало его ум и сердце в эти годы, узнаём из писем к старшему брату М.М. Достоевскому, именно ему писатель доверял самые сокровенные свои мысли и замыслы первых произведений. Письма к брату преисполнены истинного сентиментального чувства в его лучшем и чистом проявлении – искренней сердечности и сопереживании. В письмах к старшему брату Михаилу писателю не приходится ограничивать себя в выражении внутренней жизни: Достоевский говорит полно о своих переживаниях и размышлениях, из этих писем мы узнаём круг чтения писателя в данный период, можем представить, как формировалась его творческая концепция.

Характерен для писем к брату этих лет особый меланхолический тон, который, несомненно, перенимает Достоевский от сентиментальных героев. Так, в письме от 9 августа 1838 года он пишет: «Не знаю, стихнут ли когда мои

грустные идеи? Одно только состоянье и дано в удел человеку: атмосфера души его состоит из слиянья неба с землею; какое же противузаконное дитя человек; закон духовной природы нарушен» [1, с. 50], настроение этого письма сходно с общим тоном одного из основополагающих для сентиментализма произведений, поэмой Эдварда Юнга «Жалоба, или Ночные думы о жизни, смерти и бессмертии», для лирического героя которой подобное настроение становится источником размышлений о сложности и неоднозначности человеческой природы. Но письма Достоевского отличает удивительное сочетание возвышенно-сентиментального тона и рассуждений о бытовых вопросах, денежных проблемах. Такое контрастное соединение уже отмечалось выше в связи с письмами к отцу и матери.

Письма этого периода открывают особый мир переживаний, чувствований и мыслей, которые испытывали братья Достоевские. Михаил тогда тоже пробовал себя на литературном поприще, а младший брат Федор выступал критиком его стихотворений, зачастую указывая на непоследовательность и нестройность его философии: «Чтоб больше знать, надо меньше чувствовать, и обратно, правило опрометчивое, бред сердца. Что ты хочешь сказать словом знать? Познать природу, душу, бога, любовь... Это познается сердцем, а не умом» [1, с. 53]. И одновременно Достоевский высказывает важнейшую для него мысль о работе сердца, о его ключевой роли в познании человека и мира. Очевидна связь с сентименталистской концепцией о вечной борьбе чувства и разума и превосходстве чувства, как средства более верного, чем разум.

Отметим и основополагающий для литературы сентиментализма мотив слез, который в письмах Достоевского к брату становится лейтмотивом. Особенно показательным в этом отношении письмо от 1 января 1840 года к М.М. Достоевскому, в котором писатель рассказывает брату о встречах с И.В. Шидловским, любовь к «чистой» и «мученической» душе которого нередко заставляла Достоевского проливать слезы сострадания. Кроме того, Шидловский читал наизусть стихи М.М. Достоевского и проливал при этом

множество слез, которые, конечно, свидетельствуют о незаурядной чувствительности его сердца, что вызывало в Достоевском сильнейший отклик, и он говорил о Шидловском как о «чистой, ангельской душе». Интересно, что лексема «слеза» повторяется в общем корпусе текстов Достоевского 871 раз, что является показателем частотного употребления. Кроме того, весьма обширна семантическая ячейка, включающая лексемы, связанные между собой значением «слеза» [4, с. 375]. Очевидно, что эта группа лексем имела особое значение в творчестве писателя и в его жизни.

Еще одна константа художественного мира сентиментализма, а именно образ идиллической патриархальной семьи вырастает в письмах Достоевского этого периода. Выше уже отмечалось, что идиллический образ семьи косвенно возникает в самых ранних письмах к отцу и матери, обозначая контраст между реальным положением дел в семье Достоевского и образом, который обозначается в письмах. Это противопоставление обостряется в последующие годы в связи со смертью матери и отца, которая сделала сиротами младших братьев и сестер Достоевских. В письме Михаилу от 16 августа 1839 года Достоевский пишет: «...но скажи, пожалуйста, есть ли в мире несчастнее наших бедных братьев и сестер? Меня убивает мысль, что они на чужих руках будут воспитаны. А потому мысль твоя, получивши офицерский чин, ехать жить в деревню, по-моему, превосходна. <...> Стройная организация души среди родного семейства, развитие всех стремлений из начала христианского, гордость добродетелей семейственных, страх порока и беславия — вот следствия такого воспитанья» [1, с. 62]. Юный Достоевский полон надежд на восстановление родного семейства, в его глазах идеал патриархальной, благочестивой семьи очень высок. С сентиментальным идиллическим представлением о семье приведенное высказывание Достоевского ассоциируется через те черты, которые он приписывает идеальному семейству в собственном видении: это христианские основы воспитания, добродетельность, страх порока. Все это характеризует идиллическое семейство в сентименталистских романах.

Кроме вышеописанных констант сентиментализма таких как мотив слез и образ идиллической семьи, в письмах Достоевского рассматриваемого периода обнаруживается важнейшая категория, актуальная не только для корпуса эпистолярных текстов, но и для всего художественного пространства произведений Ф.М. Достоевского. Это категория сердца и все, что с ней связано семантически. Отметим, что само слово «сердце» встречается в письмах до 1849 года 45 раз, всего же Достоевский использовал эту лексему 2658 раз, 395 из них – в переписке, согласно Статистическому словарю языка писателя [4, с. 367]. Эти цифры говорят о большом внимании Достоевского к сердцу как определенному понятию художественного и духовного плана.

Из приведенных выше отрывков писем следует, что Достоевский явно разделял и даже противопоставлял разум и сердце, говоря о том, что мир «познается сердцем, а не умом» [1, с. 55]. А, следовательно, охладеть сердцем – значит для Достоевского потерять и человечность, утратить способность адекватно воспринимать мир, что выразилось в сомнениях писателя: «Ты говоришь, что я скрытен; но вот уже и прежние мечты мои меня оставили, и мои чудные арабески, которые создавал некогда, сбросили позолоту свою. Те мысли, которые лучами своими зажигали душу и сердце, нынче лишились пламени и теплоты; или сердце мое очерствело или... дальше ужасаюсь говорить...» [1, с. 54].

Более того, за сердцем не только признается главенство в решении вопросов жизни, но оно становится выражением всей личности человека, его сущности, если человек не следует своему сердцу – значит не следует себе самому, своей природе: «...была ли эта деятельность душевная и сердечная чиста и правильна, ясна и светла, как ж наше естественное стремление в полной жизни человека...» [1, с. 75]. Сердце для Достоевского становится мерилom добра и зла, именно оно – источник нравственного чувства в человеке.

Именно проблема личности, сущности человека, его назначения занимала Достоевского не только в этот период, но и всю его жизнь. Об этом он писал брату Михаилу в письме 16 августа 1839 года, отрывок из которого стал уже

хрестоматийным: «Человек есть тайна. Ее надо разгадать, и ежели будешь ее разгадывать всю жизнь, то не говори, что потерял время; я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком» [1, с. 63]. Очевидно, что категория сердца была для Достоевского центральной в понимании человека, сердце, как средоточие душевных сил, нравственности, источник его страданий и счастья, могло открыть тайну, которую стремился разгадать писатель.

В.Н. Топоров в работе «О сердце в ранних произведениях Достоевского» отмечает, что «тема сердца как наиболее острого ракурса «антропологизма» писателя пришлась именно на начало творческой деятельности Достоевского (во всяком случае именно в 1846-1849 гг. тема сердца и само обозначение его - сердце - обладают наибольшей густотой и интенсивностью даже в количественном отношении)». Исследователь отмечает исключительную концентрацию слова «сердце» и однокоренных с ним в произведениях раннего периода, где в среднем на две странице текста выпадает три таких употребления [5, С. 328]. При этом, в контекстах не идет речь о сердце, как анатомическом объекте. Очевидно, что такая частотность обусловлена в том числе и горячностью собственного сердца молодого Достоевского, явные подтверждения которой обнаруживаются в переписке этого периода.

Выше были обозначены основные образы и мотивы, фундаментальные для эстетики сентиментализма, такие как мотив слез, образ идиллической семьи и категория сердца. Все они не только встречаются в письмах Достоевского раннего периода, но часто имеют определяющее значение для некоторых художественных констант его творчества.

Интерес в отношении к сентиментальной эстетике вызывают и обращения, которые использует Достоевский к своим адресатам. Их тоже можно разделить на группы, и об одной из них уже кратко было сказано выше. Это этикетно-торжественные обращения, адресующиеся, прежде всего, родителям и членам семьи, с которыми у Достоевского не установлены по-настоящему доверительные отношения. Что закономерно, в особую группу можно выделить обращения в письмах к брату Михаилу. Приведем некоторые

из них: *милый брат, друг мой, голубчик, бесценный друг мой, любезный, дорогой мой, добрый друг мой, любезный брат, любезнейший, миленький побратим, мой возлюбленный друг, драгоценнейший друг мой, дражайший мой, единственный друг мой, милейший мой друг.*

Можно усмотреть некоторое сходство обращений Достоевского и тех, которые использует Вертер, герой романа Гете «Страдания юного Вертера». Он пишет к своему другу Вильгельму, доверяя ему, как самому себе, и обращаясь к нему соответственно. Думается, похожая связь существовала между братьями Достоевскими, поэтому соответствие обращений, которые заключают в себе всю нежность отношения к человеку, выражают безграничную любовь и доверие, вполне закономерно.

Обнаруживается еще одно возможное сходство Достоевского, как автора писем, и героя романа Гете. Достоевский трижды говорит о самоубийстве в письмах этого периода, нередко он находился на грани отчаяния в эти годы из-за своего неустойчивого положения, из нужды заниматься чуждой ему деятельностью инженера при большом желании быть писателем. Эти излияния в письмах к брату и напоминают письма Вертера, который в письмах к другу Вильгельму не раз говорит о желании собственной смерти, что и осуществляет в финале романа. Основной причиной страданий Вертера и случившейся трагедии стала любовь, но повлияли и другие обстоятельства, которые снова сближают героя романа Гете и молодого Достоевского, а именно – невозможность для них обыкновенной «бюргерской» жизни, заурядной службы и выполнения рутинных задач. Творческое начало сильно в них, требует реализации и заставляет покинуть службу. Очевидно, что Достоевский не стремился подражать герою романа Гете, однако некоторое сходство их натур все же можно обнаружить. Важно отметить, что в 1840-е гг. в русском обществе в целом существовал повышенный интерес к личности и творчеству Гете в связи с напряженными нравственно-философскими исканиями, и Достоевский не стал в этом ряду исключением. Роман Гете «Страдания юного

Вертера» оказал существенное влияние на творчество Достоевского в целом, и в особенности, на его ранние произведения [6, с. 84-97].

Думается, письма этого периода оказали влияние на первый роман Достоевского «Бедные люди», буквально пронизанный сентиментальными интонациями и образами, а главное – выполненный в жанре эпистолярного романа. Но заметим, что уже после 1841 года тон писем Достоевского меняется, а с 1846 года, после выхода романа из печати, становится совершенно иным. Достоевский, во многом благодаря успеху первого романа, входит в литературный круг своего времени, знакомится с Белинским, Майковым, писателями «натуральной школы», петрашевцами. И все больше нарастает сатирический тон в его переписке, исключая сентименталистские настроения. Так, Г.М. Фридендер отмечает, что: «Многие его письма 1840-х гг. <...> напоминают мастерски написанные фельетоны, где молодой Достоевский выступает во всеоружии своего литературного искусства, остроумия, мастерства» [1, с. 9-10].

Очевидно, что сентиментальное, как художественная парадигма, имеющая определенную образную и мотивную систему, была актуальна для творческого пространства Ф.М. Достоевского. Но и внутренняя жизнь писателя, насколько она могла выразиться в письмах, была наполнена сентиментальными образами, которые переосмыслились в сознании Достоевского и явились продуктивными для всей его последующей творческой жизни.

Библиографический список

1. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л., 1972-1989. Т. 28, кн. 1.
2. Жилиякова Э.М. Традиции сентиментализма в творчестве раннего Достоевского (1844-1849). Томск: Издательство Томского университета. 1989. 272 с.
3. Шайкевич А.Я. Статистический словарь языка Достоевского / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. М.: Языки славян. 2003. 832 с.

4. Топоров В.Н. Петербургский текст / Рос. акад. наук, Отд-ние историко-филологических наук. Москва: Наука. 2009. 819 с.
5. Жилякова Э.М. "Страдания юного Вертера" Гете в контексте творчества Ф.М. Достоевского 1840-х гг. // Проблемы метода и жанра. 1997. Вып. 19. С. 84-97.
6. Гете И.В. Страдания юного Вертера / Перевод с нем. Н. Касаткиной. Владимир: Владимирское книжное издательство. 1956. 245 с.

**ЭТНОГРАФИЗМ В ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОЦЕССЕ XIX ВЕКА
(НА ПРИМЕРЕ ДИЛОГИИ П.И. МЕЛЬНИКОВА-ПЕЧЕРСКОГО
«В ЛЕСАХ» И «НА ГОРАХ»)**

Тарасова Светлана Александровна

Мичуринский государственный аграрный университет,
г. Мичуринск, Россия
lola-101@mail.ru

**ETHNOGRAPHISM IN THE LITERARY PROCESS
OF THE XIX CENTURY**

**(AS MELNIKOV – PECHERCKY` NOVELS
"IN THE WOODS" AND "ON THE MOUNTAINS")**

Tarasova Svetlana Alexandrovna,
Michurinsk State Agrarian University, Michurinsk, Russia

Аннотация

Предметный мир произведения всегда соотнесен с социальным и духовным бытием персонажа и становится важной и неотъемлемой составляющей его характеристики. П.И.Мельников-Печерский на страницах своих романов воссоздает целый ряд портретов в связи и единстве с окружающей персонаж средой.

Ключевые слова: мир, усадьба, двоемирие, дом

Abstract

Writer depicts in his Novels all social class, showing working life of the peasantry, seasonal work, gold mining, shipping, trade development. Multifaceted picture of Russian folk life in Novels and defines the important role played by the

image of the people in it.

Keywords: world, country estate, dual world, house

В дилогии П.И. Мельникова-Печерского явно просматривается социальный аспект изображения. Л.М. Лотман справедливо писала, что сочетание наиболее традиционных средств художественной изобразительности с социальными характеристиками человека и его внутреннего мира, выработанными литературой XIX века «и не чуждыми устному народному творчеству новых времен, было одной из неотъемлемых особенностей творчества Мельникова, наложившее особенный отпечаток на образную систему романов» [1].

Писатель изображает в своей дилогии все социальные сословия, показывая трудовую жизнь крестьянства, отхожие промыслы, добычу золота, судоходство, развитие торговли. Многогранность изображения русской народной жизни в дилогии определяет и ту важную роль, которую выполняет в ней образ народа. На протяжении обоих романов в центре внимания писателя – население целого Поволжского края. Народ становится собирательным героем, что подчеркивается авторскими комментариями, характеризующими особенности быта, прошлое и настоящее края.

Реалистически точно П.И. Мельников-Печерский показывает социальную жизнь того времени. Писатель подчеркивал, что религия христианства выступала в русском обществе как связующая, скрепляющая все константа. Не случайно, а очень символично, что стабильность общества, его социальная жизнь связаны с единоверием, поддерживающимся и в «древнем благочестии».

Ориентируясь в своем художественном творчестве на местные нравы и обычаи, П.И. Мельников-Печерский в дилогии «В лесах» и «На горах» создает исторически достоверные картины из жизни Нижегородского Поволжья, сохраняя весь колорит эпохи и местности. «Склонность П.И. Мельникова-Печерского к использованию местного нижегородского материала дает о себе знать в каждом конкретном случае. Даже такой, казалось бы, незначительный

эпизод из романа «В лесах», как назначение раскольниковым попом Михаила Коряги, который принес много огорчений героям романа, был создан на основе реального факта. «Матвей Коряга (вмиру Михаил), – замечает в своей записной книжке А.С. Гациский, – помер недавно в Семенове, где он жил в последнее время». Заметка Гациского сделана в 1875 году», – отмечает В.Ф.Соколова [2].

Столкновение двух миров в переломные для Русского общества годы определило организацию композиции в диалогии на философском уровне: национальная жизнь в прошлом – «В лесах»; национальная жизнь в настоящем и в будущем – «На горах» П.И. Мельников-Печерский показал обреченность и расслоение одних социальных групп (крестьянство) и обогащение других (торгово-промышленная буржуазия) в начальный период капитализации страны, герои диалогии во многом «измеряются» национально-общественными идеалам.

Обе части диалогии писатель создавал как единое художественное целое. Среди произведений народнопоэтического творчества, вплетенных в повествовательную ткань экспозиционных глав «В лесах» и «На горах», видное место принадлежит историческим преданиям, в которых народ сохраняет подлинные общественные события, излагая их с точки зрения крестьянства.

Характерные черты русского народа писатель воплотил в образах ветлужских лесорубов и промышленников. П.И. Мельников-Печерский отмечает горячую привязанность крестьян к родной земле, необыкновенное трудолюбие ветлужан. Произведения фольклора помогли автору отразить стремление русского простонародья к свободной жизни, к воле. Лесники свято хранят веру в «золотое времечко» из поколения в поколение передают предания и песни о Степане Разине и казацкой вольнице.

Реалистическая картина быта ветлужан является лишь частью широкого этического полотна, отразившего судьбу трудового народа в переломный этап развития страны. Фольклор явился для писателя фактическим материалом, позволившим передать точку зрения народных на исторические события от феодально-крепостнических, порядков к буржуазным.

Противоречивость общественных позиций Мельникова не умаляет достоинств дилогии как произведения социального, отразившего народную точку зрения на современные общественные порядки. Элементы народной сатиры, игравшие второстепенную роль в рассказах 1950-х годов, в дилогии становятся основным обличительным материалом; при этом писатель значительно разнообразил приемы сатирического изображения персонажей. В дилогии Мельниковская сатира становится политически острой, все более проникающей в корень социального зла.

Л.М. Лотман приводит сведения, что в записке министру внутренних дел П.А. Валуге П.И. Мельников-Печерский утверждал: «А главный оплот будущего России все-таки вижу в старообрядцах, которые не будут раскольниками...» [3]. Поэтому вводить положительного героя, сознательно стремящегося «в раскол», оправдывающего «раскол», означало бы возводить барьер между староверием и «великороссийской церковью». Такой герой не мог быть «оплотом будущего России».

Писатель стремился показать, что лучшие его герои – старообрядцы, но в то же время «не раскольники». Отсюда такая двойственность в их характерах и тяготение к «великороссийской церкви», выраженное либо констатацией (Чапурин), либо возникающее как итог длительных и сложных поисков (Чубалов). Главное, что они живут по христианским канонам.

В романе «На горах» Чапурин в диалоге с Колышкиным доходит до того, что признает господствующую церковь более правильной. Но при всем этом он остается старообрядцем, что называется, «до мозга костей». Объяснением такому мнимому противоречию в дилогии становится жизнь Чапурина, принимающего ядро Веры, а конфессии считающего лишь «одеждой Веры»[4].

Исследователи отмечали, что проблема развития и укрепления России поставила перед писателем задачу определить, с каким социальным слоем это будет связано. Залог будущего страны писатель видел в «старообрядцах, которые не будут раскольниками». Идеальный замысел дилогии с ее многоплановостью мог быть реализован только в рамках уже сложившейся

поэтики изображения старообрядчества. П.И. Мельников-Печерский нашел особый подход к изображению своих художественных идей, связанных со старообрядчеством. Он характеризуется тем, что герои произведений неотделимы от своей культурной среды, не могут быть из нее вырваны.

Такие религиозно-философские споры имели место быть в XVIII веке. Вопрос этот крайне важен для российского социума. Вопросы экономического развития страны живо интересовали П.И. Мельникова-Печерского на протяжении всей жизни. Об этом красноречиво свидетельствуют сборники статей, хранящиеся в его библиотеке с собственноручными пометами, составленные самим писателем из газетных вырезок и оттисков журнальных статей.

Пометки П.И. Мельникова-Печерского в статьях и книгах по промышленности и торговле России, о фабриках и заводах свидетельствуют, что он был сторонником интенсивного промышленного развития России. Сам он написал целый ряд статей, посвященных промышленности, вопросам торговли и экономики страны. В 1851 году в журнале «Москвитянин» была напечатана его статья «Павловская промышленность», в которой нашло яркое отражение развитие в России капиталистических отношений. Многочисленные работы посвятил П.И. Мельников-Печерский Нижегородской ярмарке. Как известно, Макарьевская ярмарка становится композиционным центром романа «На горах». С большим знанием дела описывает П.И. Мельников-Печерский торговые сделки на ярмарке, взаимное надувательство русского купечества, весь шум и блеск этого всероссийского торжища.

В 50-х годах Нижегородской ярмарке П.И. Мельников-Печерский посвящает работы: «Историческое обозрение Нижегородской ярмарки», «Исторический очерк Нижегородской ярмарки», «Очерк Нижегородской ярмарки» и другие, в авторе которых мы видим сторонника капиталистического развития страны на основе свободной конкуренции. В то же время Мельников указывает в работе на необходимость коренных изменений в торговле. Препятствием для этих изменений он считает крепостное право.

Но реформа 1861 года, о которой мечтал П.И. Мельников-Печерский, не принесла желанных результатов. О полном изменении торгового дела он размышляет и в период работы над диалогией «В лесах» и «На горах», что определило появление в романе образов торговцев нового типа Меркулова и Веденева.

Перед самым началом работы над романом «В лесах» П.И. Мельников-Печерский снова пишет обзоры Нижегородской ярмарки, в которых рассказывает о ходе дел на ярмарке в 60-е годы.

Таким образом, научно-исследовательская деятельность П.И. Мельникова-Печерского явилась исключительно важным источником материала для художественного творчества и во многом определила появление диалогии «В лесах» и «На горах».

На первый взгляд может показаться, что церковный раскол и есть основная тема диалогии П.И. Мельникова-Печерского, поскольку все персонажи и изображаемые в ней события тем или иным образом соотнесены со старообрядческими заботами и интересами. Да и хронологически действия романов «В лесах» и «На горах» приходятся на один из самых драматических периодов в истории старообрядчества – со времени образования в середине 40-х годов Белокриницкой (или «австрийской») митрополии до окончательного разорения керженских и чернораменских скитов в 1853-1854 годах.

Тем не менее, в центре внимания П.И. Мельникова-Печерского не только религиозные проблемы, но и вопросы экономического развития страны, и исторические судьбы русского народа, которые он и стремится разрешить на столь оригинальном и необычном в художественной литературе материале.

Таким образом, диалогия П.И. Мельникова-Печерского «В лесах» и «На горах» предстает как социальное произведение, в котором исторически верно показана в художественном воссоздании общественная жизнь наиболее патриархальных консервативных слоев населения России описываемого писателем периода.

Библиографический список

1. Лотман Л.М. Мельников-Печерский // История русской литературы. – М.-Л., 1956. – Т.9. – Ч.2. С.198.
2. Соколова В.Ф. К вопросу о творческой истории романов П.И. Мельникова-Печерского «В лесах» и «На горах» // Русская литература. – 1970. – № 3. – С. 107-118.
3. Лотман Л.М. Мельников-Печерский // История русской литературы. – М.-Л., 1956. – Т.9. – Ч.2.– С.212.
4. Тарасова С.А. Библизмы как средства обличения в диалогии П.И. Мельникова-Печерского «В лесах» и «На горах»././Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. – Тамбов, 2009.– Вып. 2 (70, 2009). – С. 52-56.

Электронное научное издание

РУССКИЙ ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

Сборник научных трудов
по материалам I Международной
научно-практической конференции

25 февраля 2016 г.

По вопросам и замечаниям к изданию, а также предложениям к
сотрудничеству обращаться по электронной почте mail@scipro.ru

Подготовлено с авторских оригиналов

ISBN: 978- 5-00-005575-6

Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 3.3. Тираж 500 экз.
Издательство Индивидуальный предприниматель Краснова
Наталья Александровна
Адрес редакции: Россия, 603186, г. Нижний Новгород, ул.
Бекетова 53.